

Егор Смирнов

Пацаны

Егор Смирнов

Пацаны

<https://litres.ru/74505862>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Пацаны» — история о том, как уличная команда подростков становится настоящей семьёй.

Сначала Егор и его пацаны защищают своё место и создают базу «Хвост», побеждая в уличных схватках. Потом им приходится столкнуться с куда более коварным врагом — влиятельными людьми, которые давят угрозами и бумагами. Пацаны учатся бороться поновому: собирать информацию, находить союзников и действовать расчётливо.

Новые испытания приходят в городе: заложник, чужая территория, другие правила. Чтобы победить, героям нужно не только драться, но и понимать людей, искать неожиданные союзы.

Кульминация — строительство дороги, которая соединяет деревни и город: это символ общего будущего. А взросление Егора и его готовность нести ответственность показывают, что сила — в верности, поддержке и умении оставаться человеком.

«Мы — огонь. Мы — сталь. Мы — навсегда» — не просто девиз, а обещание, которое пацаны держат каждый день.

Содержание

Глава 1. Хвост	4
Глава 2. Братва	9
Глава 4. Дом	14
Глава 5. Хвост всегда возвращается	18
Глава 6. Брат	21
Глава 7. Восемьдесят	25
Глава 8. Лесная	28
Глава 9. Одна семья	33
Глава 10. Знамя	37
Глава 11. Зима	44
Глава 12. Оттепель	50
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Пацаны

Глава 1. Хвост

Старое футбольное поле давно перестало быть футбольным. Сетка на воротах сгнила ещё до того, как они родились, разметка выцвела до бледных призраков линий, а трава проросла сквозь трещины в бетонных плитах. Но для Егора и его пацанов это место было своим. Здесь никто не спрашивал, чей ты и откуда. Здесь ты был либо свой, либо чужой — и ничего между. Забор по восточной стороне поля держался на честном слове. Точнее, уже не держался — три секции завалились после весенних ветров, и теперь Егор с друзьями чинил их: кто-то держал доску, кто-то орудовал молотком, кто-то вытаскивал из земли ржавые гвозди. Егору было четырнадцать, но выглядел он старше — не ростом, а тем, как стоял, как молчал, как смотрел. Он не был самым громким в компании. Он был тем, кого слушали. — Держи ровнее, — бросил он Вова, самому младшему. Двенадцатилетний Вова держал доску обеими руками, высунув от старания язык. Сергей-старший, пятнадцатилетний, забивал гвоздь. Сергей-младший, его тёзка, четырнадцатилетний, оттаскивал в сторону гнилые обломки. Саша, длинный и молчаливый, в очках, подносил инструменты. Обычное дело. Обычный день. А потом его разорвал рёв мотоцикла. Егор вски-

нул голову. Со стороны просёлка, поднимая шлейф пыли, летел знакомый мотоцикл. Сава. Но что-то было не так — слишком быстро, слишком отчаянно он шёл. А следом, чуть дальше, за ним тянулся второй шлейф. Потом третий. Четвёртый.— Пацаны! — крик Савы перекрыл стрекот двигателя. — Хвост! Помощь! Егор не думал. В нём что-то щёлкнуло — раз, и всё.— Маски! Очки! Перчатки! — голос сорвался в команду резко, как выстрел. — Стойка! И они двинулись. Все четверо — без суеты, без паники. Рывком из карманов и-за поясов появились балаклавы. Чёрные, вязаные, выдававшие виды. Очки — кто в мотоциклетных, кто в строительных, тёмных. Перчатки — рабочие, чёрные, с обрезанными пальцами. И через секунду там, где только что стояли пятеро мальчишек с молотком и досками, стояли пятеро бойцов. Балаклавы скрыли лица, очки — глаза. Осталось только то, что было важно: стойка. Ноги на ширине плеч, руки чуть подняты, вес перенесён вперёд. Плечом к плечу. Мотоциклы вылетели на поле один за другим. Двенадцать. Двенадцать чужих. Моторы взревели и заглохли, и в наступившей тишине стало слышно, как потрескивает остывающий металл. Вожак — коренастый парень лет шестнадцати с волчьей татуировкой на предплечье — прыгнул первым. Оглядел их, скользнул взглядом по балаклавам, по перчаткам, по стойкам. И усмехнулся.— О, смотри-ка. Малые в масках. Думаете, если морды закрыли, так мы вас не отличим?— Думаем, — ровно ответил Егор. — Что вы сюда зря

приехали. — Ты, — вожак ткнул пальцем в Саву, — должен был отдать долг. Не отдал. Теперь отдашь вдвойне. Или, — он обвёл рукой поле, — пусть ваши за тебя ответят. Егор шагнул вперёд. Ровно на шаг. Ни больше ни меньше. — Ты на нашей земле, — сказал он тихо, так, что слышали все. — Уходите по-хорошему. Пока можете. Вожак засмеялся. За ним засмеялись остальные — не все, но многие. И этот смех стал последней каплей. Он ударил первым. Егор ушёл в сторону, пропуская кулак мимо лица, и ответил коротко, в корпус. И завертелось. Драка была жёсткой. Не киношной, не красивой — настоящей. Грязной, тяжёлой, на кулаках и локтях, с падениями, с рычанием, с хрустом, с пылью в глазах. Двенадцать против пятерых. Но пятеро стояли так, как встали, — плечом к плечу, спиной к спине, не давая зайти с флангов. Сергей-старший сцепился с двумя сразу и держал их, не давая прорваться. Сергей-младший бил коротко и зло, как учили. Саша, которого всегда считали тихоней, снял очки, сунул их за пазуху — и вдруг оказался страшным. Вова, самый мелкий, не лез в самое пекло, но путался под ногами у чужих, дёргал за штанины, заставлял терять равновесие — и этим выручал своих. Егор бился в центре. Не кричал, не размахивал. Просто был везде, где нужно. Один из чужих бросился на Саву — Егор перехватил, оттащил, повалил. Второй зашёл со спины к Сергею-младшему — Егор успел предупредить, и тёзка развернулся вовремя. А потом всё кончилось. Вожак с волчьей татуировкой сидел на земле,

прижимая ладонь к разбитому носу, и смотрел на Егора снизу вверх. В его взгляде больше не было смеха. Только злоба — и что-то ещё. Что-то похожее на уважение, которое он сам себе не хотел признавать. — Уходите, — повторил Егор. Он даже не запыхался. Только костяшки правой руки гудели, и под балаклавой на щеке саднило. Чужие поднялись. Кто-то хромал, кто-то держался за бок. Заводили моторы молча. Вожак обернулся в последний раз — и Егор понял: это не конец. Это начало. Такие не прощают. Такие возвращаются. Мотоциклы один за другим сорвались с места и ушли за поворот, унося пыль и рёв. И когда последний звук растворился вдалеке, на поле стало тихо. Егор стянул балаклаву. Вдохнул полной грудью — воздух был горьким от пыли и почему-то сладким. Оглядел своих. — Целы? — Костяшку сбил, — отозвался Сергей-старший, разглядывая разбитые пальцы. — Ерунда. — Я одного за штанину дёрнул — он как мешок упал! — гордо сообщил Вова. Сава молча протёр очки о футболку и снова надел. Сава стоял чуть в стороне, и на плече у него расплывалось тёмное пятно — не кровь, грязь. — Прости, пацаны, — глухо сказал он. — Я не хотел их на вас тащить. Егор подошёл и положил руку ему на плечо — прямо на грязное пятно. — Ты сделал правильно. Другой бы в поле бросил, а ты к своим приехал. Значит, свой. Он обернулся к остальным. Солнце ещё стояло высоко, но тени уже удлинялись. До темноты было время. — Это были с Нижних Выселок, — сказал Егор. — Вожак их — с волком на плече.

К вечеру вернутся. И не вдесятером, а всем кодлом. Повисла тишина. Вова перестал улыбаться.— И что делаем? — спросил Сергей-старший. Егор посмотрел на забор, который они чинили, — от него осталось полторы секции. Потом на поле — своё, родное, с покосившимися воротами. Их территория. Их поляна. И они её не отдадут.— Маски и перчатки не снимаем, — сказал он. — Саша, бери Вову, идите к развилке — смотрите, с какой стороны пойдут. Серёги, вы со мной: тащим доски от дальнего сарая, перекроем въезд, чтобы на мотоциклах не проскочили. Он говорил спокойно, короткими фразами. И пацаны слушали. Потому что знали: Егор не кричит зря и не пошлёт туда, куда сам бы не пошёл.— А если не приедут? — спросил Вова. Егор посмотрел на дорогу, где осела пыль от чужих колёс. Улыбнулся — краем рта.— Приедут. Такие всегда возвращаются. У них теперь на нас зуб. А у нас на них — тоже. Он поправил балаклаву на затылке, но надевать пока не стал.— Ладно, пацаны. Работаем.

Глава 2. Братва

Егор проводил взглядом уходящие мотоциклы, а потом обернулся к Вова. Мелкий стоял, сжимая в руке чужую кепку, и вид у него был одновременно гордый и насторожённый.— Вова, — позвал Егор. Тот вскинулся.— Иди к нашим. К тем, кто на Заречной стороне. Зови братву. Скажи: сбор у старого поля, к восьми. В масках, очках, рабочих перчатках — как мы. Понял? Вова кивнул так быстро, что кепка чуть не слетела.— А потом? — спросил он. Егор присел на корточки, чтобы их глаза оказались на одном уровне. Говорил негромко, чтобы слышал только Вова.— Потом — по кустам. Вдоль восточной стороны, где овраг. Сидите тихо, не высывайтесь. Как только эти Волкодавы появятся и ввяжутся в драку — ждёте. Ждёте, пока самый разгар. И тогда заходите со спины. Понял? Со спины, не в лоб. Окружаете. Берёте в кольцо. Чтобы ни один не ушёл. Вова сглотнул. Впервые за день в его глазах мелькнуло что-то взрослое.— Сделаю, — сказал он. И побежал — сначала неуклюже, потом всё увереннее, пока не скрылся за поворотом. Егор выпрямился. Посмотрел на небо. Солнце клонилось к закату, тени становились длинными и синими. Время пошло. Через час всё было готово. Доски от дальнего сарая перетасили и уложили поперёк въезда — не намертво, но так, чтобы мотоциклам пришлось сбавить ход и объезжать по одному. Саша

с Вовой вернулись с развилки и доложили: чужие собираются в низине, у брода, там моторов — не счесть. Сергей-старший раздобыл где-то старую канистру и битый кирпич — на всякий случай. Сергей-младший молча натянул балаклаву и больше её не снимал. К восьми Егор собрал всех на поле. Пятеро своих — и те, кого привёл Вова. Пацаны с Заречной, с Хуторов, с Лесной. Кто в балаклавах, кто в очках, кто в рабочих перчатках. Молчаливые, злые, готовые. Егор прошёл вдоль строя, вглядываясь в каждое лицо, насколько позволяли маски. — Слушайте, — сказал он. — Их будет много. Больше, чем нас. Но они придут на нашу землю. И уйдут с неё ни с чем. Держимся вместе. Спину не подставляем. Если кого-то сбивают — поднимаем. Своих не бросаем. Всё. Ответом была тишина. Но в этой тишине было больше, чем в любом крике. Вова увёл братву в кусты вдоль оврага. Егор, Сергей-старший, Сергей-младший и Саша остались на поле — четверо против того, что должно было прийти. Пятым был Сава, который стоял чуть в стороне, сжимая и разжимая кулаки. Ждали. Около восьми со стороны просёлка донёсся гул. Сначала далёкий, как гроза за горизонтом. Потом всё ближе, всё плотнее. И вот из-за поворота выехали они. Толпа. Мотоциклы шли стеной, фара к фаре, рёв стоял такой, что дрожала земля. Егор насчитал сорок. Нет, больше. Около пятидесяти. Они влетели на поле, гася моторы один за другим, и в наступившей тишине стало слышно, как где-то вдалеке кричит ночная птица. Вожак — тот самый, с волком

на предплечье, — прыгнул первым. Нос у него был заклеен пластырем, но усмешка вернулась на место. Он оглядел четверых, стоявших посреди поля, и рассмеялся. — Это всё? — спросил он. — Четверо? Я думал, вы серьёзные пацаны. Егор шагнул вперёд. — Последний раз говорю, — произнёс он ровно. — Уходите. Миром. Пока можете. Вожак покачал головой. Усмешка сползла с его лица, и осталось только жёсткое, холодное. — Мира не будет, — сказал он. — Ты меня слышишь? Не будет. Ни сегодня, ни потом. Ты ударил меня при своих. Теперь я сотру тебя при твоих. Он махнул рукой. И толпа двинулась. Драка началась сразу — и сразу стала мясом. Сорок человек против пятерых. Егора оттеснили к воротам, Сергея-старшего повалили, Саша исчез под кучей тел, Сава отбивался, прижавшись спиной к столбу. Кровь, пыль, хрип, мат. Первая минута тянулась как час. А потом из кустов вдоль оврага поднялись тени. Они вышли молча — тридцать человек в чёрных балаклавах. Не с криком, не с рёвом. Просто появились за спинами Волкодавов и сомкнулись. Кольцо. Сначала жидкое, потом плотное. Чужие замечались, начали разворачиваться, но было поздно: их брали в клещи — спереди Егор и его пацаны, сзади братва. Стало сорок против тридцати пяти. И драка вспыхнула по-настоящему. Егор дрался молча. Он не считал удары — ни свои, ни чужие. Просто двигался, уходил, бил, поднимал своих, когда их сбивали. Рядом Сергей-старший держал двоих, истекая кровью из рассечённой брови. Сергей-младший бил и бил,

пока не сбили его самого. Саша, потеряв очки, дрался вслепую, но зло. Вова с братвой теснил чужих с флангов, не давая прорвать кольцо. Кто-то упал и не поднялся. Кто-то пополз в сторону, оставляя за собой тёмный след. Воздух стал тяжёлым, как вода. Пыль стояла столбом, и в ней метались тени — свои и чужие, уже почти неразличимые. Сколько это длилось — Егор не знал. Может, десять минут, может, полчаса. Потом стало тихо. Чужие отступили. Кто-то уполз к мотоциклам, кто-то просто сел на землю и держался за голову. Братва с Заречной стояла стеной, тяжело дыша, но не расходясь. Поле было усеяно телами — и почти все они были чужими. И тогда Егор увидел его. Вожак стоял в десяти шагах. Один. Балаклава его слетела, лицо было в крови, но глаза горели тем же холодным огнём. Он не бежал. Он ждал. Егор стянул свою балаклаву. Бросил на землю. Подошёл. — Ну что, — сказал Вожак. — Один на один. Как пацаны. — Как пацаны, — согласился Егор. Они сошлись. Первый удар Вожака Егор принял на предплечье — руку обожгло, но он устоял. Ответил в корпус. Вожак крикнул, отступил на шаг, но тут же вернулся — быстрый, тяжёлый, старше и крупнее. Он бил наотмашь, целя в голову. Егор уходил, но один удар всё-таки достал — в скулу, и в глазах на миг потемнело. Он отскочил. Встряхнул головой. Кровь во рту — солёная. Вожак шёл на него, уверенный, что дожмёт. Замахнулся — широко, с силой. И Егор увидел этот замах. Увидел, как раскрывается корпус. Как поднимается подбородок. Он шагнул

внутри. Собрал весь вес, всю злость, всю усталость — в один удар. Правой, снизу, точно в челюсть. Звук был глухой, короткий. Вожак замер. Глаза его на секунду остекленели, потом закрылись. И он рухнул на спину — тяжело, как мешок с землёй. Не шевельнулся. Тишина. Егор стоял над ним, тяжело дыша. Костяшки горели. Скула пульсировала. Где-то за спиной кто-то из братвы выдохнул, кто-то тихо выругался — то ли от боли, то ли от облегчения. Чужие подняли своего вожака. Никто больше не лез. Их осталось немного — тех, кто ещё мог идти. Они заводили моторы молча, без угроз, без обещаний. Просто уходили. Когда последний мотоцикл скрылся за поворотом, Егор обернулся к своим. Сергей-старший сидел на земле, зажимая бровь. Сергей-младший стоял, покачиваясь. Саша искал в траве очки. Вова, целый и невредимый, стоял рядом с братвой, и глаза у него были как блюдца. Егор подошёл к нему. Положил руку на плечо — тяжёлую, гудящую. — Сработало, — сказал он. Вова кивнул. И вдруг улыбнулся — широко, по-детски. — Сработало, — повторил он. Ночь опускалась на поле. Где-то далеко лаяли собаки. Старые ворота без сетки стояли, как стояли, — покосившиеся, но целые. Как и они.

Глава 4. Дом

Ночь сгушалась, как чернила в воде. Луна ещё не встала, но звёзды уже зажглись — редкие, холодные, словно гвозди в небе. Егор стоял посреди поля, спиной к воротам, и смотрел на своих. Они сидели или стояли вокруг: кто на корточках, кто прислонившись к сараю, кто держался за перевязанную руку. Глаза у всех блестели — от усталости, от адреналина, от того, что они выжили. — Слушайте, — сказал Егор. Голос был тихий, но каждый слышал. — Сейчас не время отдыхать. Это место — наше. Но оно открытое, как бутылка на обочине. Подобраться можно с любой стороны. Мотоциклы, машины — приедут, как в прошлый раз, только вдесятеро больше. Мы выстояли сегодня. Но завтра можем не выстоять. Пацаны молчали. Только Сергейстарший кивнул — медленно, с болью в глазах. — Я знаю место, — продолжил Егор. — В глухом лесу, за старой плотиной. Туда не доедешь на мотоцикле. Только пешком: через овраг, через болото, по тропе, которую даже собаки не найдут. Там — поляна. Маленькая, в кольце сосен. Почти невидимая. Я был там с Серёгой-старшим прошлой весной. Никто не знает. Только мы. Он посмотрел на Сергея-старшего. Тот кивнул ещё раз. — Сегодня я вам покажу. Завтра строим. Домик. Не дворец. Но крепкий: с крышей, с полом, с лазом для выхода. Туда — только свои. Туда — только по паролю. Туда — только пешком. Ни-

каких следов. Никаких фар. — А что брать? — спросил Вова. — Всё, что есть, — сказал Егор. — Доски, фанеру, железные листы, гвозди, верёвки, плёнку, инструменты. Что можно — тащим. Что тяжёлое — разбираем по частям. Сарай можно снести: он и так держится на честном слове. Забор оставим. Пусть думают, что мы здесь. А мы — там. В тени. — А если они найдут? — спросил Саша. — Пусть ищут, — сказал Егор. — Там нет дорог. Нет следов. Нет шума. Только тишина. И если кто-то пойдёт — мы услышим за километр. Пацаны переглянулись. Кто-то кивнул. Кто-то усмехнулся — уже не от страха, а от азарта. — Собираемся, — сказал Егор. — Через час — у плотины. Маски не снимаем. Говорим тихо. Двигаемся цепью. Я — впереди. Серёга — замыкающий. Никто не отстаёт. Через полтора часа они стояли на краю поляны. Лес здесь был старый. Сосны росли густо, ветви сплетались над головой, как купол. Внизу — мох, сухие иголки, редкая трава. Воздух пах смолой, землёй, тишиной. Посреди поляны — ровная площадка, метров десять в диаметре, поросшая мхом. С одной стороны — валун, с другой — поваленное дерево, идеальное для сидения. Сзади — овраг, почти незаметный, поросший папоротником. — Вот, — сказал Егор. — Здесь. Пацаны огляделись. Вова присвистнул. — Как в фильме, — прошептал он. — Не фильм, — сказал Сергейстарший. — Укрытие. — Дом, — поправил Егор. На следующий день началась работа. С рассвета они тянули сюда всё: доски с забора, фанеру со старого сарая, ржа-

вые железные листы с крыши, гвозди, молотки, пилы, верёвки, плёнку, старые матрасы, найденные в подвале у кого-то из братвы. Кто-то принёс даже остатки проводки и фонарик на батарейках. Строили быстро, чётко, без суеты. Егор отдавал приказы — и каждый знал своё место. — Саша, Вова — копайте котлован под пол. Глубина — по щиколотку. Чтобы вода не стояла. — Серёги — рубите жерди. Двенадцать штук. Два метра длиной. Это каркас. — Сава — руби ветки. Нужна крыша. Сначала жерди, потом ветки, потом плёнка, потом мох сверху. — Остальные — таскайте доски. Собираем стены. Не герметично: вентиляция нужна. Но чтобы дождь не лил. Работали молча. Только скрип пилы, стук молотка, хруст веток под ногами. Солнце поднялось, потом начало клониться к закату. К полудню стены уже стояли — низкие, но крепкие, из досок, сколоченных наспех, но державшихся. Каркас возвышался посередине — высокий, как человек, с наклоном к задней стене. К вечеру крыша была почти готова: жерди уложены, ветки сплетены, плёнка натянута, сверху — толстый слой мха и сухих листьев. Дверь — из двух досок, на петлях из верёвки. Внутри — пол из досок, покрытых матрасами. В углу — ящик с инструментами. На стене — карта, нарисованная углём на куске фанеры: тропы, овраг, болото, плотина. — Завтра — лаз, — сказал Егор, оглядывая работу. — Под полом. На случай, если вдруг. — И сигнализация, — добавил Саша. — Банки с гвоздями на верёвках. По периметру. — И сторожевая точка, — сказал

Вова. — На сосне. Я залезу. Егор кивнул. — Завтра. Сегодня — отдых. Вечером они сидели вокруг костра — небольшого, прикрытого дымом от сырой хвои, чтобы не было видно снаружи. Ели то, что было: сухари, колбасу, чай из термоса. Молчали. Устали. Но не так, как после драки. А по-другому: с тяжестью в теле, но с лёгкостью в груди. — Мы сделали, — сказал Вова. — Мы построили. — Пока только стены, — сказал Сергеймладший. — А завтра — уже дом. — А если Волкодавы придут? — спросил кто-то из братвы. — Придут — не найдут, — сказал Егор. — Мы ушли. Мы исчезли. А они будут искать на поле. Будут ломать ворота. А мы — здесь. В тени. В тишине. И когда они устанут — мы выйдем. — А если не устанут? — Тогда, — Егор посмотрел в огонь, — мы выйдем первыми. Он достал из кармана кусок металла — обломок мотоциклетной цепи, что остался после драки. Перевернул в руке. — Это — от них, — сказал он. — Завтра повешу на дверь. Как знак. Чтобы помнили: кто сюда пришёл — тот знал, на что шёл. Пацаны переглянулись. Кто-то улыбнулся. Кто-то кивнул. — А как назовём? — спросил Вова. Егор посмотрел на лес, на звёзды, на своих. — «Хвост», — сказал он. — Потому что мы — не конец. Мы — начало. И мы всегда сзади. В тени. Готовые. Он бросил цепь в костёр. Металл накалился, вспыхнул — и погас. И в этой тишине, под шорох леса и далёкий вой волков, они поняли: это больше не просто укрытие. Это — их дом.

Глава 5. Хвост всегда возвращается

Утро пришло серым и тихим. Туман стоял между соснами, как молоко. Птицы молчали. Только где-то далеко, на болоте, кричала выпь — глухо, тоскливо. Егор проснулся первым. Вылез из дома, потянулся. Тело ныло — от драки, от работы, от сна на досках. Но голова была ясной. Он обошёл поляну по кругу. Проверил каждую тропу, каждый куст, каждый овражек. Ни следов. Ни звуков. Только лес. Вернулся к дому. Пацаны уже поднимались: кто-то кряхтел, кто-то ругался, кто-то молча разминал затёкшие руки. — План на сегодня, — сказал Егор, когда все собрались. — Первое: лаз под полом. Второе: сигналка по периметру. Третье: дозорная точка на сосне. Четвёртое: вода. Нужен родник или ручей. Пятое: еда. Кто-то должен сходить в деревню, но так, чтобы не засветиться. — Я схожу, — вызвался Саша. — Меня там мало кто знает. Скажу, что за грибами. — Добро. Возьми Вову. Он мелкий — не вызовет подозрений. Купите крупы, консервов, соли, спичек. И бинтов — сколько найдёте. — А деньги? Егор достал из кармана сложенные купюры — немного, но на первое время хватит. — Это общак. Потом вернём. Все вместе. Саша кивнул. Вова подтянул штаны — деловой. — Ещё вопрос, — сказал Сергейстарший. — А что

с нашим полем? Мы его просто оставим? Егор посмотрел на него. — Нет. Не оставим. Но и не вернёмся. Пока. — Тогда что? — Наблюдение. Ктото будет ходить туда. Раз в день. Смотреть: приезжали или нет. Если приезжали — сколько, когда, что делали. Записывать. Не вступать. Не показываться. Просто смотреть. — И кто? — По очереди. Сегодня — Серёгамладший. Завтра — Сава. Послезавтра — ты. Я — последний. — А если меня заметят? — Не заметят. Ты — лес. Ты — тень. Ты — хвост. Сергеймладший усмехнулся. — Понял. К вечеру второго дня лагерь «Хвост» был готов. Лаз под полом — узкий, но достаточный, чтобы пролезть. Вёл в овраг, заросший папоротником. Сигналка — тонкие верёвки с банками и гвоздями — натянута по всему периметру, в трёх поясах. Дозорная точка — на сосне, в двадцати метрах от поляны: сиденье из жердей, прикрытое ветками, с видом на тропу. Родник — в ста метрах, за валуном: вода холодная, чистая. Запас еды — в ящике, под полом: крупа, консервы, соль, спички, свечи. И — карта. На куске фанеры углём Саша нарисовал всё: поле, дороги, деревни, лес, овраг, болото, плотину. Отметил тропы — свои и чужие. Обозначил точки: где стоять, где смотреть, где прятаться. Егор стоял перед картой. Смотрел долго. Потом сказал: — Это не просто укрытие. Это база. Отсюда мы будем работать. — Работать? — переспросил Вова. — Да. Собирать информацию. Строить союзы. Возвращать долги. Расширяться. Тише, чем они. Быстрее, чем они. Умнее, чем они. Он обвёл взглядом всех.

— Мы не банда. Мы семья. Но семья, которая умеет драться. И если кто-то думает, что мы сломались, — он ошибается. Мы только начали. Он повернулся к выходу. — Завтра — первый выход. Саша — на разведку. Вова — на дозор. Серёги — на тропу. Сава — со мной. Будем думать. — О чём? — спросил Сава. — О том, как вернуть поле. И о том, как сделать так, чтобы Волкодавы больше никогда не подняли на нас руку. Он вышел из дома. Туман уже рассеялся. Солнце пробивалось сквозь сосны — тёплое, яркое. Гдето вдалеке, за лесом, за оврагом, за болотом, было поле. Их поле. И Егор знал: они вернутся. Не сегодня. Не завтра. Но вернутся. Хвост всегда возвращается.

Глава 6. Брат

Прошло три дня. Три дня тишины, которая была хуже шума. Три дня, за которые ни один чужой мотоцикл не появился ни на поле, ни на дорогах. Волкодавы будто исчезли. И это настораживало больше, чем если бы они приехали. Егор сидел на валуне у родника. Один. Пацаны остались на поляне: кто-то чинил крышу, кто-то чистил инструменты, кто-то спал после дозора. Вода в роднике была ледяная, и Егор просто держал в ней руки, глядя, как по поверхности расходились круги. Он не слышал шагов. Просто почувствовал — спиной, затылком, чемто, что всегда предупреждало его раньше, чем глаза. Он медленно повернул голову. На другом берегу ручья стоял парень. Лет шестнадцати, может, старше. Высокий, широкий в плечах, с коротким ёжиком тёмных волос. На нём была чёрная куртка, крепкие ботинки, а на лице — спокойствие, которое не покупается и не подделывается. Он стоял открыто, на виду. И руки были подняты на уровень груди, ладони вперёд. Жест, который в этом мире понимали все: я с миром. Егор не двинулся. Руки оставил в воде. Только глаза сузились. — Ты кто? Парень опустил руки, но медленно, не резко. Шагнул через ручей — по камням, не торопясь. Остановился в пяти шагах. — Меня зовут Антон, — сказал он. — А для своих я — Брат. Я с Хуторов. Кенты — слышал о таких? Егор слышал. Кенты были одной из тех

группировок, с которыми лучше не связываться. Не потому что злые — потому что серьёзные. Держались своей землёй, никого не трогали, но и себя в обиду не давали. Их уважали. Даже Волкодавы обходили стороной. — Слышал, — сказал Егор. — Что тебе нужно? Антон присел на корточки на противоположном берегу ручья. Так, чтобы быть на одном уровне с Егором. Не выше, не ниже. — Слышал, у вас проблемы с Волкодавами, — сказал он. — С Нижними Выселками. С вожакom их — с волком на плече. Егор не ответил. Ждал. — У нас с ними тоже счёт, — продолжил Антон. — Давний. Они дважды приходили на нашу сторону. Один раз сожгли сарай. Второй раз сломали руку моему младшему. Мы ответили. Но они не понимают. Они думают, что если их больше — значит, они правы. А их не больше. Их просто громче. Он поднял глаза на Егора. — Они лезут везде: на Заречную, на Лесную, на Хутора. Они думают, что если объединить Нижние Выселки с другими, они станут хозяевами всей округи. И тогда нам всем конец. Поодиночке. Егор вынул руки из воды. Вытер о штаны. Медленно. — Ты пришёл предложить союз, — сказал он. Не вопрос. Утверждение. Антон кивнул. — Да. Союз. Не на словах. На деле. Ты — за нас, мы — за вас. До конца. Один раз и навсегда. Так, как у нас, у пацанов, положено. — Почему я должен тебе верить? — Не должен, — спокойно сказал Антон. — Проверь. Спроси у своих. Спроси у тех, кто знает Хутора. Спроси у Савы — он меня видел. Один раз, на дороге. Мы тогда не разговаривали, но он меня

запомнил. Егор смотрел на него долго. В этом парне не было фальши. Не было наигранности. Он говорил ровно, смотрел прямо, не юлил. Такие или говорят правду, или очень хорошо умеют врать. Но Егор чуял — этот не врёт. — Меня зовут Егор, — сказал он наконец. — Знаю, — Антон улыбнулся — коротко, без насмешки. — Егор с Заречной. Тот, кто выстоял против двенадцати с пятью. Тот, кто построил «Хвост». Егор вскинул бровь. — Откуда знаешь про «Хвост»? — Слухами земля полнится, — сказал Антон. — Не беспокойся. Знаю только я и двое моих. Остальные думают, что вы ушли в город. Исчезли. — И ты не скажешь? — Зачем? Мы же союзники. Или будем. Егор встал. Отряхнул руки. Посмотрел на небо: солнце клонилось к полудню. — Значит, так, Антон, — сказал он. — Я согласен. Но не могу решать один. У нас всё почестному. Соберу пацанов, скажу им. Они решат. — Разумно, — кивнул Антон. — Сегодня в десять вечера. На старом футбольном поле. Там всё обговорим. Я приведу своих. Ты — своих. — На поле? — Егор чуть нахмурился. — Там же Волкодавы. Могут увидеть. — Пусть видят, — сказал Антон. — Пусть знают, что мы не прячемся. Мы не сбежали. Мы здесь. И нас больше, чем они думают. Антон помолчал. Потом усмехнулся — негромко, одобрительно. — Мне нравится ход твоих мыслей. Договорились. В десять. На поле. Он поднялся. Протянул руку — не для рукопожатия. Просто открытая ладонь. Жест: я не враг. Егор посмотрел на ладонь. Потом на Антона. И кивнул. — До десяти. Антон ушёл так

же, как и пришёл, — тихо, без суеты. Растворился в лесу, будто его и не было. Егор постоял ещё минуту. Посмотрел на воду. Потом развернулся и пошёл к поляне. Пацаны должны были узнать.

Глава 7. Восемьдесят

Ровно в десять вечера старое футбольное поле выглядело так, как не выглядело никогда. Со стороны леса, из темноты, вышли они — тридцать пять человек. Молча, цепью. Все — в чёрных балаклавах, в тёмных очках, в чёрных рабочих перчатках с обрезанными пальцами. И в одинаковых куртках: чёрных, плотных, с капюшонами. Эти куртки пацаны раздобыли за последние дни: кто у отца взял, кто на чердаке нашёл, кто у знакомых выпросил. Не брендовые, не новые. Но одинаковые — и это было главное. Они вышли на поле и встали плечом к плечу, молча, словно стена. Егор стоял в центре и смотрел на дорогу. Через минуту со стороны просёлка показались фары. Мотоциклы подъехали не с рёвом, а тихо, почти на холостых, и заглохли. С них спрыгнули люди — сорок пять человек. Молча, стройно. Они были в белых балаклавах; на головах — одинаковые чёрные кепки с маленькой вышивкой. А на спинах чёрных курток белым, крупно и аккуратно, было выведено: «Брат за брата». У каждого. Слова, которые не нуждались в объяснении. Впереди шёл Антон — без балаклавы, с открытым лицом. Он подошёл к Егору и остановился в двух шагах. — Мои пацаны согласны,

— сказал Егор. Антон кивнул. — Мои тоже. Повисла тишина — большая, плотная. На поле, где недавно лилась кровь, где валялись обломки досок и виднелись следы от шин, стояли восемьдесят человек. Восемьдесят против тех, кто считал себя хозяевами округи. Восемьдесят, которые не собирались отступать. Антон снял перчатку и протянул руку. — Значит, союз, — сказал он. — Теперь ты и твои пацаны — наши братья. Официально. Один раз и до конца. Егор снял свою перчатку, посмотрел на протянутую руку, потом на Антона — и пожал. — Теперь мы за вас до конца, — сказал Антон. — И мы за вас, — ответил Егор. — Горой. Как вы за нас, так и мы за вас. До конца. — Хорошо, брат. — Хорошо, брат. Они держали рукопожатие долго — не для позы. Чтобы каждый из восьмидесяти видел: это не просто слова. Это договор, такой же крепкий, как их кулаки. Антон отпустил руку, обернулся к своим и поднял кулак. — Брат за брата! Сорок пять голосов ответили не криком, а гулом — глухим, тяжёлым, как далёкий гром. Егор обернулся к своим, поднял кулак. — Своих не бросаем! Тридцать пять голосов отозвались тем же гулом. И два гула слились в один. После этого они стояли на поле ещё час, обсуждая всё тихо, без лишних ушей. Антон рассказал, что знает про Волкодавов: где они собираются, сколько их, кто у них союзники, кто враги. Егор рассказал про «Хвост» — не где он находится, а что он из себя представляет. Антон понял и не стал спрашивать лишнего. Договорились о главном: следующий шаг — совместная разведка.

Найти всех, кто против Волкодавов, собрать их, объединить. Потому что поодиночке — конец. Вместе — сила. Когда разошлись, Антон сказал:— Знаешь, Егор, я давно искал такого, как ты.— Зачем?— Чтобы не быть одному. Чтобы был тот, кто поймёт. С кем можно встать спиной к спине и не бояться, что ударят сзади. Егор посмотрел на него, на своих, на тех, кто ещё недавно был чужим, а теперь не был.— Теперь нас восемьдесят, — сказал он. — Дадим отпор.— Дадим, — кивнул Антон. Они разошлись в разные стороны, в темноту, в лес. Но с этого момента их дороги шли рядом. Союз был заключён. Официально. Один раз и до конца.

Глава 8. Лесная

Первая совместная операция случилась на девятый день. Разведка донесла: Волкодавы обложили деревню Лесная. Не большую, но гордую. Там жили пацаны, которые никому не кланялись, не входили ни в одну группировку и держались сами по себе. И Роман решил их сломать. — Тридцать человек, — доложил Саша, вернувшись с разведки. — Мотоциклы у брода. Ждут сигнала. Если Лесная не сдастся до полуночи — пойдут на штурм. Егор и Антон переглянулись без слов. — Собираем всех, — сказал Егор. — Всех, — кивнул Антон. К девяти вечера на поляне «Хвоста» стояли восемьдесят человек: в чёрных и белых балаклавах, в перчатках, в одинаковых куртках. На спинах у кентов по-прежнему белело: «Брат за брата». Молчаливые. Готовые. Егор вышел в центр. — Сегодня мы не защищаемся, — сказал он. — Сегодня мы идём. Волкодавы хотят сломать Лесную. Лесная — не наша. Но если мы не поможем, завтра они придут к нам. А послезавтра — к кентам. Мы не дадим им сломать никого. Ни сегодня, ни потом. — Что делаем? — спросил Сергей-старший. — Окружаем. Тихо. Без шума, без фар. Пешком, через овраг. Кенты заходят с востока, мы — с запада. Как только они двинутся на деревню — мы сзади. Замкнём кольцо. Не выпускать никого. — А если бой? — спросил кто-то из кентов. — Бой будет, — сказал Егор. — Но не такой, как

они ждут. Они думают, что идут на беззащитных. А встретят нас. Антон добавил:— Без приказов не лезть. Держаться своих. Спину не подставлять. Раненых не бросать. Всё. Восемьдесят человек растворились в темноте. Лесная спала, когда Волкодавы двинулись. Они шли уверенно: тридцать человек. Мотоциклы остались у брода — штурм деревни на мотоциклах не устроишь. Они шли пешком, по дороге, с фонарями, с битами, с цепями. Смеялись, говорили громко. Они не ждали сопротивления. Первым их заметил дозорный с Лесной — мальчишка лет тринадцати, сидевший на крыше крайнего дома. Он увидел огни, потом тени — и закричал. В деревне вспыхнул свет, захлопали двери. Люди выбегали кто с чем: с топором, с вилами, с палкой. Но их было мало: десяток, может, полтора. Против тридцати. Волкодавы ускорили шаг. Их вожак — не Роман, а один из его приближённых, широкоплечий, с битой на плече — махнул рукой:— Вперёд! Ломаем! И в этот момент из темноты за их спинами поднялась стена. Они не слышали шагов, не видели теней. Просто в один миг сзади, слева, справа, отовсюду появились фигуры: в балаклавах, в перчатках, молчаливые. Их было втрое больше.— Стоять, — сказал Егор. Голос был ровным, негромким, но его слышали все. Волкодавы остановились и обернулись. Кто-то выругался, кто-то попятился. Вожак, тот, что с битой, оскалится:— Вы кто такие?— Те, кто не даст вам сломать Лесную, — сказал Егор. — И те, кто не даст сломать никого.— Пацан, ты вообще понимаешь, с кем связываешь-

ся?— Понимаю, — сказал Егор. — С теми, кто проиграл нам на нашем поле. С теми, кто вернулся с пятьюдесятью и снова проиграл. С теми, кто думает, что сила — в количестве. А сила — в правде. Он шагнул вперёд.— Уходите. И передайте Роману: округа не его. Никогда не была и не будет. Вожак зарычал и замахнулся битой. Это было последнее, что он успел сделать. Антон перехватил его руку, Сергей-старший сбил с ног. Сергей-младший и Саша скрутили двоих, бросившихся на помощь. Вова, невысокий, но вёрткий, выхватил цепь у одного из Волкодавов и отбросил в сторону. Драка вспыхнула и погасла, как спичка. Тридцать против восьмидесяти — это не бой. Это арифметика. Через пять минут Волкодавы стояли на коленях. Кто-то держался за разбитое лицо, кто-то — за бок. Их вожак с битой лежал на земле и смотрел в небо, пытаясь отдышаться. Егор подошёл к нему, присел на корточки.— Слушай меня, — сказал он тихо. — Ты сейчас встанешь, соберёшь своих и уйдёшь. И передашь Роману от меня лично: у нас восемьдесят. Скоро будет больше. Мы не прячемся. Мы не боимся. И если он хочет поговорить — пусть приходит сам. Без оружия. Как пацан. Он выпрямился.— А если он не хочет разговаривать — тогда пусть готовится. Мы придём. И тогда уже не будет никаких «уходите». Тогда будет только конец. Вожак молчал и смотрел на него. В этом взгляде появилось то, чего раньше не было: настоящее, тяжёлое понимание — такое же, как у Романа, когда он проиграл на поле. Волкодавы поднялись, забрали своего и ушли

— медленно, оглядываясь. Без угроз, без обещаний. Просто ушли. Лесная смотрела на всё это с крыш, из окон, из-за заборов — молча. Потом из крайнего дома вышел старик: сухой, высокий, с седой бородой. Подошёл к Егору. — Ты кто? — Егор. Союз «Хвост» и «Кенты». — Союз, — старик усмехнулся. — Значит, объединились. Давно пора. Мы-то думали, вы — малые. А вы, оказывается, сила. — Мы — сила, — сказал Егор. — И если Лесная захочет — мы поможем. Не за дань. За слово. За союз. Старик долго смотрел на него, потом кивнул: — Приходите завтра. Поговорим. У нас тоже есть пацаны. И у нас тоже есть, что сказать Роману. Егор кивнул. Обратно шли молча. Усталые, но не разбитые. Восемьдесят человек — теперь уже не просто союз. Братья, которые знали: если прикроешь спину, тебя прикроют тоже. Антон шёл рядом с Егором. — Думаешь, Роман придёт? — Придёт, — сказал Егор. — Теперь он знает, что мы не просто пацаны с поля. Мы — армия. — Тридцать человек потерял, — сказал Антон. — Для него это удар. Он не простит. — Не простит, — согласился Егор. — Но теперь ему придётся считать. И это уже не просто тишина. Это выбор. Они вышли к поляне. Вова развёл костёр — маленький, прикрытый. Пацаны расселись вокруг: кто-то достал еду, кто-то — бинты, кто-то просто сидел и смотрел в огонь. Егор стоял у сосны, смотрел на звёзды и думал. Теперь их восемьдесят. Теперь у них есть Лесная. Скоро будет больше. Скоро они станут теми, кем не были раньше: не бандой, не группировкой. Армией. Семьёй.

Народом. Он обернулся, посмотрел на своих, на кентов, на братьев. — Слушайте, — сказал он. Все подняли головы. — Сегодня мы показали, что мы — не просто малые. Мы показали, что мы — сила. Но это только начало. Дальше будет труднее. Роман не сдастся. Он придёт. Или с войной, или с разговором. Но придёт. И тогда мы должны быть готовы. Все. Вместе. — Готовы, — сказал Сергей-старший. — Готовы, — сказал Антон. — Готовы, — сказал Вова. И восемьдесят голосов повторили: — Готовы. Егор улыбнулся краем рта, как умел. — Тогда — спать. Завтра — новый день. И новый бой. Он бросил в костёр щепку. Искры взметнулись вверх — к звёздам, к темноте, к чему-то большему, чем они сами. И в этой тишине, под шорох леса и треск огня, было слышно главное: «Хвост» не просто вернулся. «Хвост» вырос.

Глава 9. Одна семья

Утро пришло ясное, холодное. Туман стоял между соснами, но солнце уже пробивалось сквозь ветви золотыми стрелами — острыми и тёплыми. На поляне «Хвоста» было тихо, только где-то на дальнем конце оврага стучал дятел — мерно, как метроном. Егор проснулся рано, вылез из дома, потянулся и посмотрел на своих: кто-то ещё спал у костра, кто-то чистил инструменты, кто-то сидел на валуне и смотрел в небо. Обычное утро. Но Егор знал: сегодня будет не обычный день. Он подошёл к роднику, умылся. Вода обожгла лицо — ледяная, как всегда. Он вытерся рукавом и услышал шаги за спиной. Не обернулся: знал, кто это. — Не спится? — спросил Антон. — Думал, — сказал Егор. — О чём? — О нас. О кентах. О «Хвосте». О том, что дальше. Антон встал рядом, молчал, смотрел на воду. — Мы теперь не просто союз, — сказал Егор. — Мы — одно. Восемьдесят человек. Лесная с нами. Скоро будут другие. Но союз — это договор. А договор можно разорвать, забыть, предать. А мы — не договор. Мы — семья. Одна. Общая. Антон повернул голову, посмотрел на него внимательно. — Ты хочешь сказать — пора перестать быть «Хвостом» и «Кентами». Пора стать чем-то одним. — Да, — сказал Егор. — Одна группа. Одно имя. Один устав. Один закон: своих не бросаем, спину не подставляем, чужих не трогаем, наших не сдаём. Антон долго молчал, по-

том кивнул.— Я думал об этом. Давно. Но не знал, как сказать. Это ведь не просто название. Это всё. Мы перестанем быть кентами. Мы станем кем-то другим.— Мы станем Пацанами, — сказал Егор. — Просто пацанами. Без кличек. Без «Волкодавов», без «Кентов», без «Хвостов». Пацаны. Потому что это слово — оно про всех: про нас, про тех, кто за нас, про тех, кто с нами. Антон улыбнулся коротко, по-настоящему.— Пацаны, — повторил он. — Мне нравится.— Тогда собираем всех, — сказал Егор. — Сегодня. Сейчас. Пусть решают. Потому что если мы решим за них — это уже не семья. Это банда. А мы не банда. Антон кивнул.— Согласен. Собираем. Через час на поляне стояли все — восемьдесят человек. Кто в чёрных балаклавах («Хвост»), кто в белых (кенты), кто без — те, кто пришёл позже. Все в перчатках. Все с открытыми лицами: здесь, на поляне, скрывать было нечего. Егор и Антон вышли в центр, встали плечом к плечу.— Слушайте, — сказал Егор. Голос был ровным, но в нём звучало что-то новое: тяжелее, серьезнее. — Мы собрали вас не для приказа. Мы собрали вас, чтобы спросить. Потому что то, что мы хотим предложить, — это не наше решение. Это ваше. Он обвёл взглядом всех.— Мы с Антоном долго думали о том, кто мы, куда идём, что будет дальше. И поняли: союз — это хорошо. Но союз — это два кулака. А нам нужен один. Один кулак. Одна семья. Одна группа.— Мы предлагаем, — продолжил Антон, — стать одним. Не «Хвостом». Не «Кентами». Не союзом. А Пацанами. Просто пацанами.

Без кличек, без старших и младших, без «моих» и «твоих». Все — свои. Все — равные. Все — братья. Повисла тишина — большая, плотная. Пацаны переглядывались: кто-то хмурился, кто-то кивал, кто-то смотрел на Егора и Антона, ища в их глазах ответ. Первым заговорил Сергей-старший:— А кто главный? Егор и Антон переглянулись.— Мы, — сказал Егор. — Вдвоём. Я и Антон. Не потому что мы лучше. А потому что кто-то должен решать. Кто-то должен брать ответственность. Но это не власть. Это долг. Мы не командиры. Мы те, кто отвечает за всех.— А если вы не договоритесь? — спросил кто-то из кентов.— Тогда решаем вместе, — сказал Антон. — Все. Собираем круг, говорим, слушаем и решаем. Как братья. Как пацаны. Вторым заговорил Вова:— А название? «Пацаны» — это же... просто. Не страшно. Не грозно. Егор улыбнулся краем рта.— Именно. Мы не хотим быть страшными. Мы хотим быть своими. Пусть Волкодавы боятся. Пусть Роман думает, что мы угроза. А мы просто пацаны. Просто семья. Просто те, кто не даст своих в обиду. Вова подумал и кивнул:— Ладно. Мне нравится. Третьим — Саша:— А что с нашими? С чёрными балаклавами? С белыми? С куртками?— Оставляем, — сказал Антон. — Чёрные — это «Хвост». Белые — это кенты. Но теперь и те и другие — Пацаны. Мы не стираем прошлое. Мы его соединяем. Чёрное и белое — это наша история. А «Пацаны» — наше будущее. Саша кивнул:— Тогда я за. Четвёртым — Сава:— А что с долгами? С тем, что было? С тем, что я... Егор перебил:—

Долги — общие. Всё, что было, — было. Теперь мы одно. И если кто-то должен нам — он должен Пацанам. Если мы должны кому-то — мы отдадим. Вместе. Потому что своих не бросаем. Ни в долгах, ни в драке. Сава выдохнул и кивнул.

Глава 10. Знамя

Решение пришло ночью. Егор не спал. Он сидел у костра, смотрел на угли, и в голове всё крутилось одно и то же: Роман не остановится. Он уже потерял тридцать человек у Лесной. Потерял лицо. Потерял тот страх, который годами держал округу в узде. Теперь он либо ударит первым, либо сломается. А такие, как он, не ломаются. Такие бьют. Значит, бить надо первыми. Егор поднялся, обошёл поляну и разбудил Антона. Тот сел сразу, без вопросов — будто ждал этого момента. — Пора, — сказал Егор. — Пора, — согласился Антон. Утром собрали всех. Восемьдесят Пацанов стояли на поляне: чёрные и белые балаклавы вперемешку, куртки, перчатки, очки. Молчаливые. Собранные. Ждали. — Сегодня мы идём к ним, — сказал Егор. Голос был ровным, но в нём звенела сталь. — Не они к нам. Мы к ним. На их землю. В их штаб. Мы раз и навсегда закроем этот вопрос. — Как идём? — спросил Сергей-старший. — Пешком. Через овраг. Тихо. Без фар, без шума, без единого лишнего звука. Кенты заходят с востока — там у них склад и стоянка. Мы — с запада, через лесополосу. Сходимся у штаба одновременно. — А если кто-то заметит? — Заметят — не успеют предупредить. Мы быстрее. Антон шагнул вперёд. — Слушайте все. Это не поле. Это не Лесная. Это их дом. Там будет тяжело. Там будет больно. Кто-то, может, не выйдет. Но если

мы не сделаем это сейчас — они придут к нашим домам. К нашим деревням. К нашим младшим. И тогда будет хуже. Намного хуже. Он обвёл взглядом всех. — Мы не банда. Мы не разбойники. Мы — Пацаны. Мы идём не крушить ради крушения. Мы идём ломать их силу. Их страх. Их власть. Чтобы больше никто не поднял руку на наших. — Своих не бросаем, — сказал Егор. — Своих не бросаем, — ответили восемьдесят голосов. Собирались долго. Тщательно. Это был не набег — это была операция. Арматуру таскали из заброшенной стройки за плотиной: ржавые прутья, обрезки труб, куски арматурной сетки. Кто-то принёс старые биты. Кто-то — цепи. Кто-то — деревянные щиты, сколоченные из досок, чтобы прикрываться от ударов. Вова набил карманы гайками и болтами — «на дальний бой». Сергей-старший наточил на камне обрезок трубы — не для красоты, для дела. Саша раздал всем бинты и жгуты — на случай крови. Сава разложил по карманам спички и фонарики — маленькие, тусклые, чтобы не выдать. Антон раздал своим белые повязки на руки — чтобы в темноте отличать своих от чужих. Егор сделал то же самое, но чёрные. Кто-то из кентов повязал на руку и белую, и чёрную — как знак нового союза. К вечеру всё было готово. Они вышли, когда солнце село. Цепью. Молча. Восемьдесят теней растворились в лесу. Штаб Волкодавов стоял на отшибе Нижних Выселок — старый ангар, бывшая ремонтная база. Кирпичные стены, ржавая крыша, ворота из железа. Вокруг — забор из сетки, местами порванный. Внутри — свет,

гул голосов, рёв моторов. Снаружи — дозорные. Четверо. По двое с каждой стороны. Пацаны подошли одновременно — с востока и с запада. Как договорились. Ни звука. Ни шороха. Дозорных сняли тихо. Без крови — просто скрутили, заткнули рты, оттащили в кусты. Те даже не успели понять, что произошло. Егор поднял руку. Все замерли. — По моему сигналу, — прошептал он. — Без криков. Без паники. Работаем. Он кивнул Антону. Тот кивнул в ответ. И тогда Егор шагнул к воротам. Поднял обрезок трубы. И ударил по железу — три раза, гулко, тяжело. Сигнал. Ворота распахнулись от удара — изнутри. Свой же, кто не ждал, толкнули их навстречу. Пацаны влились внутрь, как вода в пробитую плотину. Ангар взорвался криком, гулом, лязгом металла. Бой был страшный. Не как на поле. Не как у Лесной. Здесь было тесно, темно, душно. Свет от лампочек мигал, выхватывая из темноты лица, руки, арматуру, брызги крови. Волкодавы дрались отчаянно — они защищали свой дом, свою силу, свою власть. Их было больше сотни. Пацанов — восемьдесят. Но Пацаны шли стеной: плечом к плечу, спиной к спине, как учили. Никто не отступал. Егор бился в центре. Рядом — Антон. Они не разговаривали — понимали друг друга без слов. Один прикрывал, второй бил. Один уходил, второй добивал. Как два кулака одной руки. Сергей-старший держал левый фланг — с двумя кентами, которые прикрывали его с боков. Сергей-младший бился в гуще, коротко и зло. Саша, потеряв очки, дрался на слух — и всё равно валил одного

за другим. Вова путался под ногами у чужих, дёргал за штанины, сбивал с шага — и этим спасал своих. Сава шёл вперёд, не оглядываясь, будто искупал каждый свой прошлый шаг. Кто-то падал и не вставал. Кто-то полз к выходу, оставляя за собой тёмный след. Кто-то кричал — но в общем гуле нельзя было разобрать, свой или чужой. Воздух стал тяжёлым, как вода. Кровь смешалась с пылью, и под ногами было скользко. Сколько это длилось — никто не считал. Может, час. Может, два. Потом гул начал стихать. Волкодавы отступали. Сначала по одному. Потом группами. Потом побежали: кто к запасному выходу, кто через пролом в стене, кто просто бросил оружие и сел на пол, закрыв голову руками. Пацаны не преследовали. Егор дал команду — держать периметр. Никого не выпускать. Никого не добивать. А сам пошёл вглубь ангара. Туда, где был кабинет Романа. Роман сидел за столом. Один. Перед ним — бутылка, пепельница, карта округи, исчерченная красным. Он не бежал. Не прятался. Не звал на помощь. Просто сидел и смотрел на дверь, будто ждал. Егор вошёл. За ним — Антон. За ними — Сергей-старший и двое кентов. Роман поднял глаза. Улыбнулся — криво, устало. — Пришли, — сказал он. Не вопрос. — Пришли, — сказал Егор. — Думал, раньше будете. Или позже. Но что придёте — знал. Он откинулся на спинку стула. Посмотрел на свои руки. На разбитые костяшки. — Ну? Что теперь? — Поговорить, — сказал Егор. Роман усмехнулся. — Поговорить. После того, как вынесли мой штаб. Положили

половину моих. Загнали остальных в лес. И теперь — поговорить?— Да, — сказал Егор. — Поговорить. Потому что если мы тебя отпустим просто так — ты придёшь снова. С новыми. С большими. И тогда будет ещё хуже. Нам это не нужно. Ни тебе, ни нам.— Тогда что ты предлагаешь?Егор наклонился вперёд. Голос был тихий, но каждый в комнате слышал.— Условия. Ты их исполнишь — мы тебя не тронем. Ни сегодня, ни завтра, ни потом. Никогда.Роман молчал. Ждал.— Первое: ты и твои люди больше никогда не появляетесь на нашей земле. Ни на поле. Ни на Заречной. Ни на Хуторах. Ни у Лесной. Нигде, где есть Пацаны.— Второе: ты возвращаешь всё, что взял с деревень. Деньги, вещи, добро — всё. До копейки. До последнего мешка.— Третье: ты распускаешь Волкодавов. Полностью. Никаких «остатков». Никаких «молодых». Никаких «мы подумаем». Всё. Конечно.— Четвёртое: ты уходишь. Из округи. Совсем. Куда хочешь — в город, в другую область, куда угодно. Но не здесь.— Пятое: если мы узнаем, что ты вернулся, — мы придём снова. И тогда разговора не будет. Будет только конец.Он замолчал. Откинулся на спинку стула. Посмотрел на Романа.— Это наши условия. Всё.Роман долго молчал. Смотрел на карту. На красные линии. На то, что строил годами и что рухнуло за одну ночь. Потом поднял глаза.— А если я не соглашусь?— Тогда мы свяжем тебя. И отдадим тем, кого ты обирал. Деревням. Лесной. Заречной. Они решат, что с тобой делать. А мы — посмотрим.Роман усмехнулся.— Жёст-

ко. — Это не жёстко, — сказал Егор. — Это честно. Ты брал с них дань. Ты ломал их дома. Ты бил их сыновей. Теперь они вправе решить, что с тобой будет. Мы лишь даём тебе шанс уйти. По-хорошему. Тишина повисла тяжёлая. Роман смотрел на Егора. Потом на Антона. Потом — на своих людей, которые стояли за спинами Пацанов, связанные, разбитые, молчаливые. Он понял. Всё понял. — Ладно, — сказал он. — Согласен. Егор кивнул. — Тогда — руки. Сергей-старший и один из кентов подошли, связали Роману руки за спиной — крепко, но не калеча. Тот не сопротивлялся. — Слушай сюда, — сказал Антон, шагнув вперёд. — Мы отпустим тебя. Сегодня. Но если ты нарушишь хоть одно слово — мы найдём. Где бы ты ни был. Под землёй, за морем, в другом городе. Найдём. И тогда уже никто не будет говорить. Никто не будет ставить условий. Просто — конец. Роман кивнул. Устало. Без злобы. — Понял. Его развязали у ворот. Дали мотоцикл — один, старый, без ключей зажигания, чтобы завести с толкача. Он сел, завёл с третьего раза, посмотрел на Егора в последний раз. — Знаешь, — сказал он, — я думал, вы — малые. Думал, сломаю вас за неделю. А вы... — он усмехнулся, — вы оказались не малые. Вы — Пацаны. Настоящие. Он уехал. В темноту, в ночь, в никуда. Над ангаром вставало солнце. Красное, тяжёлое, как кровь на асфальте. Пацаны выходили на улицу: кто хромая, кто держась за бок, кто поддерживая товарища. Раненых было много. Но потеря — ни одной. Это было главное. Егор стоял у ворот. Смотрел на

своих. На кентов. На Пацанов. На тех, кто выстоял. На тех, кто не сдался. Антон подошёл. Встал рядом.— Всё?— Всё, — сказал Егор.— Думаешь, он вернётся?— Нет. Такие, как он, умеют проигрывать. Один раз. Второй — не умеют. Он не вернётся. Антон помолчал. Потом сказал:— Мы сделали это.— Сделали. Они стояли молча. Смотрели, как разгорается рассвет. Как пацаны собираются в круг. Как Вова раздаёт воду. Как Саша перевязывает Сергею-старшему руку. Как Сава впервые за долгое время улыбается.— Теперь нас никто не тронет, — сказал Антон.— Теперь — никто, — согласился Егор. Он поднял руку. Кулак. И восемьдесят — уже меньше, но всё ещё восемьдесят — голосов ответили ему: — Пацаны!— Пацаны! И в этом крике, под красным рассветом, над разбитым ангаром, было слышно главное: Волкодавов больше нет. А Пацаны — есть. И будут.

Глава 11. Зима

Зима пришла в ту ночь, когда никто не ждал. Ещё вечером был просто холод — сырой, промозглый, с ветром, который забирался под куртки и выстуживал кости. А к утру всё побелело. Сосны стояли в снегу, как в шубах, поляна «Хвоста» утонула в белом, и только дымок над крышей дома вился тонкой струйкой — единственный признак того, что здесь кто-то живёт. В доме было тесно. Восемьдесят человек не помещались в одну комнату — спали вповалку, в три слоя, кто на матрасах, кто на досках, кто просто на полу, укрывшись всем, что нашлось: куртками, старыми одеялами, мешками. Стены держали тепло плохо: ветер задувал в щели, и к утру вода в кружках покрывалась коркой льда. Егор проснулся первым. Вылез из-под куртки, которой укрывался, подошёл к окну — если можно было назвать окном дыру, затянутую плёнкой. Посмотрел на белое поле, на лес, на небо — серое, низкое, тяжёлое, будто готовое рухнуть на землю. — Зима, — сказал он вслух, и изо рта вырвалось облачко пара. Антон поднялся следом. Подошёл, встал рядом. Посмотрел. — Долго не протянем, — сказал он. — Еды на неделю. Дров на три дня. Стены — решето. — Знаю, — сказал Егор. Он повернулся к своим. Пацаны просыпались: кто-то кряхтел, натягивая на себя ещё один слой одежды, кто-то ругался сквозь зубы, кто-то молча растирал замёрзшие

руки, стараясь не выдать, как сильно их трясёт. Вова сидел в углу, натянув на себя две куртки и чужую кепку, и смотрел на всех круглыми глазами, будто боялся, что холод вот-вот ворвётся и заберёт их всех.— Что делаем? — спросил Сергей-старший. Егор не успел ответить. За стеной, снаружи, раздался хруст снега. Потом — голос. Не крик. Спокойный, ровный, будто человек и не думал прятаться.— Эй! Есть кто живой? Пацаны вскинулись. Кто-то схватил арматуру. Кто-то — битую. Егор поднял руку: тихо. Он вышел первым. Антон — за ним. На поляне, в десяти шагах от дома, стоял парень. Лет семнадцати. Высокий, в хорошей зимней куртке, в шапке, в крепких ботинках. За ним — ещё пятеро. Все — в таких же куртках. Все — с пустыми руками. Ни оружия, ни угроз. Парень поднял руки. Ладони вперёд. Жест, который здесь понимали все: я не враг.— Я с миром, — сказал он. — Меня зовут Кирилл. Я с города. У меня к вам разговор. Егор шагнул вперёд. Остановился в трёх шагах.— Говори. Кирилл опустил руки. Посмотрел на дом. На дымок. На пацанов, что выходили из-за спины Егора — молча, стеной, плечом к плечу.— Мы слышали, что вы сделали, — сказал он. — С Волкодавами. С Романом. Мы знаем, что вы не дали им сломать Лесную. Знаем, что вы не берёте дань. Знаем, что вы — Пацаны.— И что? — спросил Антон.— А то, — сказал Кирилл, — что мы тоже против них были. Только у нас не хватало сил. Мы — городские. Нас немного. Но мы видели, что вы сделали. И мы хотим сказать спасибо. Он обернулся к

своим. Кивнул. Один из городских шагнул вперёд и поставил на снег ящик. Потом второй. Третий. Консервы, крупа, чай, сахар, тёплые вещи, лампы, батарейки, медикаменты. — Это не дань, — сказал Кирилл. — Это благодарность. И это не всё. Егор смотрел на ящики. Потом на Кирилла. Потом снова на ящики. — Что не всё? Кирилл улыбнулся — коротко, открыто, без хитрости. — Мы хотим построить вам дом. Настоящий. Большой. Утеплённый. Чтобы вы пережили зиму. Мы умеем. У нас есть руки, есть инструменты, есть материал. Мы сделаем это. Все вместе. Вы и мы. Повисла тишина. Пацаны переглядывались. Вова вышел вперёд, выглянул из-за спины Сергея-старшего. — Почему? — спросил он. Кирилл посмотрел на него. На мелкого, в двух куртках и чужой кепке. Улыбнулся — по-доброму, искренне. — Потому что вы — не Волкодавы. Потому что вы не берёте. Вы — даёте. Мы это видели. И мы хотим быть с вами. Не под вами. С вами. Егор молчал долго. Смотрел на Кирилла. На его пацанов. На ящики. На снег. На своих. Потом обернулся к Антону. — Что скажешь? Антон смотрел на городских. Долго. Потом кивнул. — Я — за. Если они говорят правду — мы не можем отказаться. Если врут — мы поймём. Но пока — я верю. Егор снова повернулся к Кириллу. Протянул руку. Без перчатки — голую, на морозе. Кожа сразу побелела от холода, но он не отёрнул. Кирилл шагнул вперёд. Пожал. Крепко. — Тогда — добро пожаловать, — сказал Егор. — И — спасибо. Строили две недели. Каждое утро — с рассвета, пока небо ещё бы-

ло тёмно-синим, а воздух резал лёгкие, как стекло. Кирилл приводил своих — сначала двадцать человек, потом тридцать, потом сорок. Городские приходили пешком, через лес, с инструментами, с материалами, с едой. Кто-то оставался на ночь. Кто-то уходил и возвращался с новыми. Пацаны работали вместе с ними. Не как хозяева — как равные. Егор и Антон не отдавали приказов — просто делали. Рубили лес, таскали брёвна, пилили доски, сбивали каркас. Кирилл оказался прав: он умел строить. Он знал, как класть утеплитель, как делать двойные стены, как ставить печь, чтобы тепло не уходило в щели. Его пацаны работали так же, как и Пацаны: молча, быстро, без лишних слов. К концу первой недели стены стояли. Большие, толстые, из брёвен и досок, с утеплителем из мха и опилок. К концу второй — была крыша. Настоящая, из досок и рубероида, с уклоном, чтобы снег не задерживался. Была печь — кирпичная, с трубой, с лежанкой. Были окна — маленькие, но настоящие, со стёклами. Была дверь — крепкая, с засовом. Внутри — пол, нары, стол, лавки. Всё — из дерева, пахнущего смолой и свежестью. Всё — сделанное руками. Своими и чужими. Которые стали своими. В последний вечер, когда работа была закончена, все собрались внутри. Восемьдесят Пацанов. Сорок городских. Лесная — старик и пятеро его пацанов. Кирилл и его команда. Все — в одном доме. Дом был большой, но не настолько. Сидели вповалку: на нарах, на полу, на лавках. Кто-то стоял. Кто-то сидел на корточках. Но все — вместе. На сто-

ле — чай. Настоящий, горячий, из большого котла. С сахаром. С сушками. С хлебом. С консервами. Егор сидел во главе стола. Рядом — Антон. Рядом — Кирилл. Дальше — Сергей-старший, Сергей-младший, Саша, Сава, Вова. Дальше — все остальные. Кирилл поднял кружку. — За Пацанов, — сказал он. — За вас. За то, что вы сделали. За то, что вы — есть. — За Пацанов, — ответили все. Выпили. Молча. Потом заговорили. Сначала — тихо. Потом — громче. Смех, голоса, шутки. Кто-то рассказывал про бой с Волкодавами — в сотый раз, но все слушали. Кто-то — про стройку. Кто-то — про то, как Вова упал в сугроб и не мог вылезти. Вова краснел, но смеялся вместе со всеми. Городские и Пацаны перемешались. Уже не было «своих» и «чужих». Были просто пацаны. Которые сидели вместе. Пили чай. Смеялись. Жили. Егор смотрел на них. На Антона, который что-то рассказывал Кириллу. На Сергея-старшего, который учил городского пацана правильно держать кружку. На Вову, который сидел между двумя городскими и что-то им объяснял — важно, нахмурившись. На Саву, который впервые за долгое время смеялся — громко, по-настоящему, так, что даже плечи вздрагивали. Он отхлебнул чай. Горячий. Сладкий. Настоящий. Антон обернулся к нему. Поднял кружку. — За нас, — сказал он. Егор кивнул. Поднял свою. — За нас. Они выпили. Молча. Потом Егор сказал: — Знаешь, что я понял? — Что? — Что мы не просто выжили. Мы — выросли. Из банды — в семью. Из семьи — в народ. И теперь нас не сломать. Ни

зимой. Ни войной. Ничем. Антон улыбнулся. Посмотрел на всех — на Пацанов, на городских, на лесных.— Народ, — повторил он. — Мне нравится. За окном выл ветер. Снег падал и падал. Но в доме было тепло. Не только от печи. От людей. Егор поставил кружку. Посмотрел на огонь в печи. На искры, что уносились в трубу. На своих.— Теперь у нас есть дом, — сказал он. — Настоящий. И теперь у нас есть все, кто в нём. Он поднял руку. Кулак. И дом ответил. Восемьдесят Пацанов. Сорок городских. Лесные. Все.— Пацаны! И в этом крике, под вой ветра и треск печи, было слышно главное: зима — не конец. Зима — начало.

Глава 12. Оттепель

Зима держалась долго. Дольше, чем все ждали. Январь был лютым, февраль — злым, с ветрами и метелями. Но дом выстоял. Стены держали тепло, печь не гасла, еды хватало — городские подвозили, Кирилл не забывал. А потом пришёл март. Солнце стало ярче, снег начал оседать, и однажды утром с крыши закапало — впервые за всю зиму. Капель. Настоящая, звонкая, как весенний колокольчик. Егор вышел на крыльцо. Вдохнул воздух — сырой, тёплый, пахнувший землёй и талым снегом. Где-то в лесу стучал дятел. Где-то кричала птица. Мир просыпался. За спиной заскрипела дверь. Антон. — Весна, — сказал он. — Весна, — согласился Егор. Они стояли молча. Смотрели, как тает снег. Как из-под белого проступает прошлогодняя трава — жухлая, но живая. Как на поляне появляются первые проталины. — Что дальше? — спросил Антон. Егор не ответил сразу. Он думал о том же. Всю зиму. Что дальше — когда враг побеждён, когда дом построен, когда зима пережита? Что делать Пацанам в мире, где больше нет Романа, нет Волкодавов, нет войны? — Дальше — жить, — сказал он наконец. — По-настоящему. Не выживать. Жить. Антон кивнул. Медленно. — И как это — жить? — Не знаю, — честно сказал Егор. — Но мы разберёмся. Вместе. Весна принесла перемены. Первое — городские. Кирилл и его пацаны не ушли. Они остались. Не на базе — в

городе, у себя. Но связь не оборвалась. Каждую неделю кто-то приходил: то с новостями, то с припасами, то просто так — чай попить. Городские стали не союзниками — друзьями. А потом — братьями. Второе — деревни. Лесная, Заречная, Хутора, ещё три деревни, которые раньше отмалчивались, теперь тянулись к Пацанам. Не за защитой — за советом. За словом. За тем, чтобы быть частью чего-то большего. Егор никого не заставлял. Просто говорил: «Хотите — приходите. Не хотите — ваше право». Приходили. Третье — границы. Раньше у каждой группы была своя земля, свои правила, свои враги. Теперь границы стирались. Пацаны ходили везде — и везде были своими. Волкодавов не стало, а вместе с ними — страха. Люди впервые за долгое время вздохнули свободно. А потом случилось то, чего никто не ждал. В середине апреля, когда снег сошёл полностью и земля начала просыхать, на поляну пришли незнакомые. Четверо. Взрослые — лет по двадцать пять, может, больше. Не пацаны. Мужики. В куртках, в ботинках, с рюкзаками. Без оружия, но с тем спокойствием, которое бывает у тех, кто умеет за себя постоять. Егор вышел к ним. Один. Антон остался у дома — на всякий случай. — Здравствуйте, — сказал старший из них. — Меня зовут Пётр. Мы с севера. Из-за реки. Слышали про вас. — Что слышали? — спросил Егор. — Что вы — Пацаны. Что вы не берёте. Что вы — защищаете. Что вы объединили округу. — Пётр помолчал. — И что у вас можно спросить совета. Егор смотрел на него. На его спутников. На рюкзаки.

На то, как они стояли — не напряжённо, но готово. Такие не приходят просто так. — Зачем пришли? Пётр переглянулся со своими. Потом сказал: — У нас беда. На севере. Не война — хуже. Голод. Два года неурожай. Деревни пустеют. Люди уходят. Кто в город, кто куда. Мы держимся, но... — он замолчал. Потом продолжил: — Мы слышали, что вы умеете объединять. Что у вас есть порядок. Мы пришли спросить: как вы это сделали? Как вы заставили людей поверить? Егор долго молчал. Смотрел на Петра. На его усталые глаза. На то, как он сжимал лямку рюкзака — не от страха, от чего-то другого. От надежды. — Пойдёмте, — сказал Егор. — Поговорим внутри. Чай есть. Они говорили долго. До вечера. Пётр рассказал о севере. О том, как деревни грызутся между собой за последнюю еду. О том, как старики умирают, а молодые уходят. О том, как они пытались собрать людей — но никто не верил. Никто не хотел объединяться. Все боялись, что их обманут. — Мы слышали про вас, — сказал Пётр. — Что вы пришли — и не взяли ничего. Что вы помогли Лесной — и не потребовали плату. Что вы победили Волкодавов — и не стали ими. Мы хотим понять: как? Егор слушал. Молча. Потом сказал: — Мы не делали ничего особенного. Мы просто были вместе. И не бросали своих. — Это всё? — Это всё, — сказал Егор. — Всё остальное — следствие. Пётр смотрел на него. Долго. Потом кивнул. — Тогда мы просим помощи. Не еды, не денег. Помощи советом. Приезжайте. Поговорите с нашими. Скажите им то, что сказали мне. Может, они по-

верят. Егор переглянулся с Антоном. Тот кивнул. — Хорошо, — сказал Егор. — Приедем. Через неделю. Соберём совет. Поговорим. Пётр выдохнул. Впервые за весь разговор — расслабился. — Спасибо, — сказал он. Через неделю Егор, Антон, Сергей-старший и Саша выехали на север. На мотоциклах — старых, но надёжных. Ехали два дня: через лес, через реку, через поля. Север встретил их холодами и тишиной. Деревни стояли серые, с заколоченными окнами. Люди выходили на улицу и смотрели на них — молча, недоверчиво. Егор говорил с ними. Долго. По одному, по двое, группами. Не убеждал — рассказывал. О том, как было. О том, как стало. О том, что сила — не в кулаках. В единстве. Люди слушали. Молчали. Кивали. Не верили. Но что-то в них менялось. Что-то, что было важнее слов. К концу третьего дня старейшина одной из деревень — сухой, седой, с палкой — подошёл к Егору. Посмотрел на него. Долго. — Ты молодой, — сказал он. — А говоришь, как старый. — Я не говорю, — сказал Егор. — Я просто делаю. Старик усмехнулся. Потом кивнул. — Ладно. Мы попробуем. Соберёмся. Поговорим. Может, что-то и выйдет. Егор кивнул. — Тогда мы поможем. Чем сможем. Обратно ехали молча. Усталые. Но не пустые. Сделанное — было сделано. — Думаешь, у них получится? — спросил Антон. — Не знаю, — сказал Егор. — Но если не попробуют — точно не получится. Они ехали дальше. Через лес. Через весну. Через новую жизнь. За спиной оставался север. Впереди — дом. А вокруг — мир, который

они строили. Медленно. По кирпичику. По пацану. По деревне. Пацаны выросли. И теперь росли другие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.